

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Д74

Teresa Driscoll
THE FRIEND

© 2018 by Teresa Driscoll

Оформление *Андрея Саукова*

Иллюстрация на переплете *Вячеслава Коробейникова*

Фото автора на форзаце

Teresa Driscoll Highres Original FREE COPYRIGHT

Дрисколл, Тереза.

Д74 Это не сон / Тереза Дрисколл ; [пер. с англ. А. С. Петухова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 384 с.

ISBN 978-5-04-104545-6

Тереза Дрисколл, автор международного бестселлера «Я слежу за тобой», так говорит о своем новом романе: «Начиная карьеру журналиста, я наивно полагала, что всегда есть нечто в поведении человека или в его биографии, что выдаст в нем зло. Но потом столкнулась с делами самых милых людей, чьи поступки пугали меня гораздо больше, чем поступки очевидных преступников. Волки в овечьей шкуре». Но как их разоблачить?..

Мчась в поезде за много миль от дома, Софи получает по телефону ужасающее известие. Два маленьких мальчика попали в катастрофу. Один из них — ее четырехлетний сын Бен. Теперь они находятся в больнице в тяжелом состоянии.

Софи думала, что может на время оставить Бена со своей лучшей подругой Эммой. С человеком, которому она доверяла как самой себе, несмотря на все слухи, крутившиеся вокруг нее. А теперь ее терзает мысль о том, что она совершила непоправимую ошибку.

В самом деле, хорошо ли она знала Эмму?..

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Петухов А.С., перевод на русский язык, 2019

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104545-6

СЕГОДНЯ, 14.00

«При чем здесь малиновка? Ничего не понимаю...»

Я стою в вагонном туалете — широко расставив ноги и опираясь на крохотный умывальник из нержавеющей стали, и судорожно пытаюсь... просто... вздохнуть... черт побери... и разобраться, какое отношение, мать твою, ко всему этому имеет малиновка.

А более чем в двухстах милях отсюда, в больнице, моего ребенка обихаживают чужие люди. И сейчас решается вопрос о том, удалять ему селезенку или нет.

Какое-то кошмарное недопонимание, которое все мои телефонные звонки так и не смогли разрешить; ведь он находится там со своим другом, а медики — и это самое поразительное — не могут определить, кто из них кто. Вся эта путаница с идентификацией кажется пошлой и сюрреалистичной, хотя только сейчас мне приходит в голову, что, если сильно не приглядываться, дети действительно довольно похожи: каштановые волосы, карие глаза и, благодаря недавнему «рывку» друга моего сына, одинаковый рост.

Медсестра с мягким ирландским акцентом пытается выяснить у меня хоть что-то, в то время как меня окутало каким-то туманом, который мешает логиче-

ски мыслить. Она интересуется, есть ли у моего сына особые приметы.

«Родинки? Веснушки? Родимые пятна?»

Ранее мне уже сказали, что парамедики¹ удалили одежду мальчиков, но я почему-то чувствую какое-то странное успокоение, когда медсестра перечисляет мне предметы гардероба: зеленая футболка с динозавром (любимая, которую я специально выгладила накануне) и черные джинсы с завернутыми манжетами, потому что они слегка ему длинноваты. Я все время собиралась подшить их, но, как мать, я вообще-то не по этому делу, и...

Медсестра осторожно прерывает меня и спрашивает о его волосах.

«Они у него прямые? Или кудрявые?»

Я рассказываю, что у него необычная макушка — немного напоминает вопросительный знак. Когда он, младенцем, спал у меня на руках, я, бывало, водила по ней пальцем.

Линия на том конце замолкает, и я ловлю себя на том, что непроизвольно рисую вопросительный знак на краю умывальника. А потом сестра говорит, что ей очень жаль, но она проверила прическу ребенка и не понимает, что я имею в виду, а я перестаю ее слушать и вспоминаю тот день, когда мой сын решил самостоятельно сделать себе стрижку. Ему было около трех (это произошло год назад), и он вошел ко мне в комнату с широко раскрытыми глазенками: они со

¹ Парамедик — в англоговорящих странах специалист с медицинским образованием, работающий в службах медицинской помощи, аварийно-спасательных и военных подразделениях и обладающий навыками оказания экстренной медицинской помощи на догоспитальном этапе.

страхом смотрели на меня из-под спутанной копны волос, а в руках он держал ножницы.

И в этом крохотном жутком пространстве, в котором я сейчас нахожусь, мне вдруг на мгновение представляется его чистое лицо, которое смотрит на меня из глубины покрытого потеками нержавеющей антуража.

«Мамочка, а ты можешь это починить?»

Раскачивающийся вагон — та-там, та-там — делает поворот и вновь набирает скорость, поэтому мне приходится еще шире расставить ноги, чтобы не упасть. Кто-то негромко стучит в дверь туалета и спрашивает, всё ли у меня в порядке, но вопрос этот кажется мне настолько неуместным, что я слышу лишь странные звуки, которые вырываются у меня изо рта. Закрываю глаза, и перед моим внутренним взором проносятся смутные картины тех мест и тех моментов, когда я должна была бы предвидеть то, что произошло.

И остановить это.

Нам понадобилось всего шесть месяцев, чтобы оказаться там, где я сейчас нахожусь, и я не могу поверить, что позволила...

И вот в трубке вновь раздаётся голос медсестры (та-там, та-там), и сейчас она явно чем-то взволнована: у одного из мальчиков на руке что-то нарисовано фломастером. Эта закорючка напоминает птицу — возможно, малиновку, потому что у нее ярко-красная грудка.

Так вот, она хочет знать, не напоминает ли мне это о чем-нибудь?

«Красная грудка малиновки?»

■ Глава 1

В НЕДАЛЕКОМ ПРОШЛОМ

Мы встретились в четверг. Два мальчика. Две матери. Много позже, особенно в поезде, я буду корить себя за любопытство и волнение, которое ощущала в тот момент, за тот энтузиазм, с которым пошла на встречу всему этому.

Но в те минуты я ничего не знала о будущем — о последствиях этой встречи.

Тогда я еще не знала, что кто-то умрет, — я была захвачена настолько тривиальными дневными заботами, что в самый критический момент нашей встречи позволила пастернаку¹ полностью отвлечь мое внимание.

Вообще-то, в магазин я пошла за свежими яйцами, захватив с собой только сумочку, но пастернак меня удивил: он был таким крепким и толстым... Я купила его слишком много для того бесплатного и очень хилого бумажного пакета, так что на деревенской площади в самый разгар суматохи я появилась с Беном, которого удерживала на одном бедре, и пастернаком, торчавшим из пакета во все стороны, на другом.

¹ Пастернак — многолетнее травянистое растение, которое широко применяется в кулинарии и кондитерском производстве.

Сначала я не заметила грузовик — просто небольшая толпа, собравшаяся возле паба. Увидела несколько знакомых, которые качали головами с привычным испуганным выражением на лицах. И только когда я подошла ближе — несколько корнеплодов вывалились на землю сквозь прореху в пакете, черт бы их побрал, — я поняла, что произошло.

Это случилось не впервые — за те четыре года, что мы жили в Тэдбери-Кросс, я уже видела два похожих инцидента: грузовозы неправильно оценивали поворот на изгибе холма возле паба и оказывались зажатыми между стеной питейного заведения и коттеджем несчастной Хизер.

«Несчастливая Хизер» была местной художницей, которая находилась в бедственном положении и платила самый большой страховой взнос среди жителей деревни. Когда пару лет назад ей пришлось восстанавливать большую часть кухонной стены, Хизер решила выбросить полотенце¹. Но слухи об угрозе грузовозов уже расползлись по округе, так что двое потенциальных покупателей быстро слились, а владельцы близлежащих домов, боявшиеся подобных «разрушительных» слухов больше ядерной войны, заставили окружной совет начать громкую, но совершенно бесполезную дискуссию о строительстве объездной дороги.

В толпе звучало «нет» и «только не это», а я напрягала мышцы живота, стараясь собрать пастернак и в то же время не уронить Бена. И, только выпрямившись, заметила ее. Свое зеркальное отражение. Эту

¹ То есть признать свое поражение.

поразительную приезжую — женщину моего возраста, которая стояла точно в такой же позе, что и я, прижимая к бедру маленького мальчика.

С ног до головы она была одета в черное, на ногах — серебристые балетки, а дополняли всё это соответствующие аксессуары — признак городского шика, который стал мгновенно замечен, как только она подняла солнцезащитные очки и я смогла рассмотреть ее поразительные голубые глаза. Я заметила, как Натан — местный архитектор и друг нашей семьи — смотрит на нее, стараясь втянуть живот, и прикусила губу, чтобы не улыбнуться.

— Ваш фургон? — спросила я, делая шаг вперед. Мальчики, устроившиеся у каждой из нас на бедре, рассматривали друг друга с робким любопытством.

— Боюсь, что да. Не самое лучшее начало, а? — Ее сын уткнулся лицом ей в плечо. Бен сделал то же самое. Оба они притворялись, что не смотрят украдкой друг на друга. Выглядело это смешно.

Через площадь до нас доносились взаимоисключающие рекомендации, которые несколько человек давали водителю фургона для перевозки мебели: кабину временно зажало между двумя каменными стенами.

«Руль до конца влево...»

«Нет. Нет. Сначала ему надо выровняться. Вперед немного. А потом назад».

— Мы переезжаем в «Приорат», — женщина скорчила гримасу. — Так, по крайней мере, планировалось. Кстати, меня зовут Эмма. Эмма Картер. — Она попыталась протянуть мне руку, но ее сынишка заерзал, протестуя, и она только пожала плечами, как бы

извиняясь, а потом подхватила его обеими руками и приподняла в более удобное положение.

— Послушайте, я живу как раз напротив, — я улыбнулась. — Как насчет чашечки чая? Меня зовут Софи, а это — Бен.

— Спасибо за приглашение, но я не могу. Правда. Мне надо помочь разобраться со всей этой неразберихой.

— Поверьте мне — это надолго. А помощников здесь и так хватает. Вполне возможно, что скоро здесь появится группа с телевидения. Боюсь, что это случается не в первый раз. Сейчас как раз ведется небольшая кампания, чтобы решить этот вопрос раз и навсегда. — Выражение ее лица изменилось, и я почувствовала укол вины. — Простите меня, Эмма. Я растрожила вас не по делу... Честное слово, вы оба выглядите так, что чашка чая вам совсем не помешает. Почему бы не переждать всё у меня? Мальчики поиграют. Никаких проблем.

— Но я чувствую себя *ответственной*...

— Глупости. Вы ни в чем не виноваты. Идемте.

Я повернулась предупредить Натана, стоявшего слева, о том, что мы собираемся делать, и потеряла еще несколько корнеплодов, отчего Эмма громко рассмеялась. Несколько голов повернулись в нашу сторону, кто-то помог мне спасти овощи, так что, когда мы подходили к нашему коттеджу, мы обе улыбались над нелепостью произошедшего.

Когда я открыла дверь, меня как громом поразило — появилась странная дрожь возбуждения, которая иногда возникает при встрече с незнакомым человеком. Я заметила, что Эмма смотрит прямо себе

под ноги, в точности как смотрела я, когда впервые вошла в дом. Пол. Иногда, после отпуска, я всё еще ему удивляюсь. Этот плитняк¹. Совсем не та идеальная подогнанность плитки, как в некоторых магазинах, продающих кухни, в которые мы иногда заходили в прошлом, в нашу бытность горожанами. Это более мягкое и изысканное доказательство минувшего. Свидетельство времени. Все камни имеют округлую форму и очень гладкие — контуры их размыты сотнями тысяч ног, которые прошли по ним за сотни лет, поэтому, когда я увидела их в первый раз, мне захотелось нагнуться и погладить их. Отчаянно захотелось провести пальцами по прохладной гладкой поверхности. В тот момент я чувствовала себя не в своей тарелке — агент по торговле недвижимостью улыбался от уха до уха, а Марк шипел у меня за спиной, что не стоит демонстрировать столько энтузиазма.

«Повредит при торге, Софи».

— Милое местечко. — Эмма поставила сына на пол и разгладила одежду, прежде чем последовать моему давнему примеру и опуститься на колени, чтобы провести по полу сначала ладонью, а потом дотронуться до него кончиками пальцев. Перед тем как присесть на корточки, она ощупала края окаменелостей в самом углу одной из пластин плитняка.

— Я вам завидую. Это просто великолепно. — Еще раз провела кончиками пальцев по контуру камня (моего любимого), и я заметила, что ее руки не соответствуют ее общему внешнему виду. Короткие пальцы, неухоженные ногти, грубая кожа.

¹ Плитняк — пластины природного камня. Представляет собой плоскую плиту различной формы. Средняя толщина плитняка — от 12 до 150 мм.

— Так обидно, что множество таких полов просто перекопали... К сожалению, в «Приорате» везде ковровое покрытие. Я надеялась, что под ним может что-то скрываться, но, проверив, убедилась, что там — бетон.

— Я знаю. — Меня что-то сбивало с толку, какое-то ощущение, которое невозможно осознать, поэтому я отвернулась и повела мальчиков на кухню, где налила им яблочного сока и опустилась на колени, чтобы посмотреть сыну Эммы в глаза.

— И как же вас зовут, молодой человек?

— Тео. Сокращенно от Те-о-дор.

— Неужели? Что ж, очень красивое имя. Раньше мне не случалось встречать Те-о-дора. — Я специально вслед за ним разделила имя на три слога, но он никак на это не отреагировал, даже не улыбнулся, поэтому я повернулась к собственному сыну: — Ладно, Бен, как насчет того, чтобы показать Тео игрушки у себя в комнате и поиграть с ним? И не забудь, я вставила новые батарейки в поезд.

Я выпрямилась, и ощущение только усилилось. Это была давно забытая — но не могу сказать, чтобы неприятная, — смесь из легкого невроза и ожидания чего-то нового. Незнакомка. Перемены. Глоток свежего воздуха.

— Так, значит, вы знаете «Приорат»? Хотя о чем я говорю... Вы, наверное, знаете все дома в вашей деревне, Софи.

— Простите, но я бы на вашем месте здесь не сидела. Кошачья шерсть. Кстати, что будете пить — кофе или чай?

— Чай, если можно. А потом в качестве благодарности я погадаю вам на чайниках. О, боже, вы только

посмотрите на это, — добавила она, усаживаясь возле окна. — Кто-то пытается влезть в кабину фургона через окно. Как вам это нравится?

— Если один из работников с фермы, то это очень здорово. Они способны развернуть фургон практически на пяточке. Простите, я не совсем поняла, что вы сказали... Я имею в виду чай.

Эмма отвернулась от окна.

— Это моя коронка на всех вечеринках. Я гадаю по чайникам. Научилась у бабушки. По руке тоже. Вы же не против? — А потом, увидев, что я нахмурилась, добавила: — Простите, Софи. Я, кажется, вас смутила.

— Совсем нет. — Ложь. — Хотя, наверное, да. Честно говоря, мне кажется, у нас только пакетики с чаем.

Эмма рассмеялась, увидев, как я роюсь в стенном шкафчике.

— Поверьте мне, это не важно. Не беспокойтесь. Кружка крепкого чая — и больше ничего не надо. И чем крепче, тем лучше. Хотя насчет гадания я не шучу. Можем заняться этим в другое время. — Она вновь повернулась к окну. — Простите, а что вы там говорили насчет телевидения?

— Они вполне могут появиться. Это у нас вроде нескончаемой саги — грузовозы и дорога. Все зависит от того, насколько крепко он застрял и насколько они заняты с выпуском новостей. Хотя, если за дело взялся один из работников с фермы, дело может закончиться достаточно быстро. — Я прекратила свои поиски, будучи уверена, что обычного чая у нас нет, положила три пакетика в синий фарфоровый заварочный чайник и слегка отодвинулась от струи пара, поднявшейся, когда я наливала в него кипяток.

— Вообще-то, это очень мило с вашей стороны. То, что вы выручили меня и Тео. В Стритхэме¹ такое просто невозможно.

— Так, значит, вы к нам из Лондона?

— Не совсем. Через Францию. Я провела там несколько месяцев с мамой.

— Ах, вот как... Понимаю.

— Сомневаюсь. Вообще-то, все немного запутано. Начнем с того, что мистера Картера не существует в природе. И никогда не существовало. Я надеюсь, что это не вызовет кривотолков. Я имею в виду Тео — ведь место здесь такое маленькое...

— Не говорите глупостей. — Я почувствовала, что краснею, и отнесла заварочный чайник и две наши лучшие кружки на стол. — Значит, несколько месяцев во Франции? По-моему, это здорово.

А потом Эмма вновь удивила меня — она явно вздрогнула, глядя на меня своими невозможными глазами и поигрывая длинными прядями темных волос. Станный и необъяснимый жест, принимая во внимание всю ту уверенность в себе, которую она демонстрировала.

Было очевидно, что Эмма явно пытается выиграть время, и мне стало ее жаль, когда она демонстративно отвернулась в сторону игровой, где мальчишки, лежа на полу, устанавливали вагоны вслед за локомотивами на двух параллельных железнодорожных путях. Какое-то время мы обе наблюдали за ними. Я ждала.

— Кажется, они неплохо ладят друг с другом. Тео нервничал при переезде, и я, честно сказать, — то-

¹ Один из районов на юге Лондона.